

Здесь только пасхальн.

Моё name: "Re:Age".

Мой email: hc-suXX@mail.ru

Xcomicbook XXXkid X 5

Coccinella publishing 2

При упаковке:

CrimeThInc Moscow

Спасибо: Питер, Катя, Димитри.

Можете скинуть на новый адрес.

Успехов в жизни.

Мне холодно. Я лежу на канализационном люке. Рядом со мной лежит еще кто-то. Я не знаю кто. Я знаю лишь то, что мне холодно, и я уже день ничего не ел. Зимой красиво? Вам наверное нравится играть в снежки, кататься на лыжах и фотографировать сосульки? Вы наверное слишком глупы. Зимой очень плохо, потому что холодно и нет еды. Зимой всё умирает. Зимой все умирают. Зимой люди холоднее. Хотя, впрочем, нет. Как всегда. Давай, плюнь в меня, пни ногой моё тело, выстрели в меня из ружья, кинь в меня бутылкой, камнем, обзови меня матерным словом, просто не заметь, отвернись, ускорь шаг, забудь, забудь, забудь обо мне. Я не стою этого. Я достоин лишь мерзнуть и умирать. Голодать и подыхать. Я достоин отсутствия внимания. Я достоин быть отравленным. Потому что я ничего не чувствую. Я всего лишь тварь, изгой, грязь с помойки, тот, кого можно безнаказанно унизить, избить, выкинуть. Я же ничего не понимаю. Я не живу. Давай пни меня, я хочу почувствовать тепло твоей ноги, я хочу почувствовать себя нужным обществу.

Одного моего друга посетила мысль поселиться в пластиковой бутылке. Для этого – сказал он – мне потребуется воспитать силу воли. тогда я смогу себя заставить уменьшится до размеров ластика и влезть в горлышко. В общем, будешь меня бить, а я буду терпеть, тем самым воспитывая себя.

Всё это крайне психически ненормально, а значит достойно и является примером для подражания – подумал я. Я готов помочь тебе в нелегком деле собственной деградации.

Бей – сказал он.

Я бил его. Ногами, руками, скалкой. выбил ему зубы, сломал нос. В общем, на моего друга было уже страшно смотреть, но он держался, не орал, не причитал и даже не звал родственников.

Но тут он сказал: всё, хватит, я больше не могу. Вызывай врача.

Я сделал то, о чём он просил.

Стоило он того? – спросил я.

Нет, как только мне в голову могло прийти такое.

Я ушел от него и больше ему не звонил, впрочем он меня тоже не тревожил. До сего момента мы с ним больше ни разу не виделись. Уже прошло больше года.

Голова от полученного количества ударов уже не соображала. Левый глаз окончательно затёк. Они умеют бить. Их этому научили. не в колледже, так старшие товарищи. Почки или что-то там еще болели сильно. Хотелось, чтобы все это побыстрее закончилось уже.

Он закурил сигарету

- Ладно, если ты не хочешь говорить, скажу я - начал он. - я ведь по образованию физик. После окончания института в 81-ом по распределению попал в одно НИИ секретное наименование, там, так ног, была тогда такая штука как комсомольский прожектор. Комсомол был, ну ты наверное знаешь, и прожектор этот грёбаный был. И значит раз в месяц надо было стенды делать, где описать работу какого-нибудь отдела предприятия со стороны. И я был в этом самом прожекторе, назначили меня туда. Я не хотел говорю, мол, дайте мне лучше наукой заниматься. Они говорят - наука это дело такое, оно и подождать может, электроны с Юпитерами от тебя никуда не убедут. И сказали мне, иди на кухню, проверь как там пищевики работают, посмотри там все - что готовят, как, из чего и напиши заметку для стенда, для стенгазеты. Ну я пошел, чего делать-то. Обязаловка была. Прихожу на кухню, всё осмотрел, вроде нормально всё продукты свежие условия нормальные, чисто всё, прибрано, аккуратно готовят чё-то те, какие-то записи сделаны в блокнот, намётки. А в то время молодой был, понимаешь сам, денег постоянно не хватало, я им, кухаркам и говорю, покажите мне калькуляцию всех ваших блюд, что-то мне больно подозрительно кажется что цены вы завышаете. Ну дали они мне бумажки эти, смотрю - борщ украинский, так, мясо столько-то копеек, картошка столько-то. Потом бац - соль, 2 копейки. А пачка соли - килограмм - в то время стоила 10 копеек. Что живы, говорю, 200 грамм соли в суп кладёте? Они конечно что-то там на меня покричали. А я это взял и в стенгазету то и написал. Попалось это на глаза какому-то высокому начальству, потом разнос этим горе-поварам устроили. А меня приметили. И физикой с тех пор перестал я заниматься. Ну ладно, заговорился я теперь твоя очередь.

Я устал. Я очень устал притворяться. Врать. Работать. Учится. Куда то идти. Ехать. Устал жить. Устал от того, что вечером я раскладывала одну и ту же постель, ложусь головой на одну и ту же подушку, думаю об одном и том же, об одной и той же. чёрт я реально устал. Всё одинаково. Всё разное одинаково. Я предал своих друзей. не тем что подставил их, не дал им в долг, послал их на хуй. Я сказал им правду. Я сказал им что то, что идет вразрез с общепринятой доктриной нашего круга общения. Однажды денис мне сказал в аське, что было бы круто, если бы все люди на земле говорили друг другу только правду. Я думаю это было бы плохо. Все люди бы говорили правду. И она бы превратилась в ложь.

Радужность правды превратилась бы в паутину лжи и оплела бы всю планету. И первый бы, кто соврал – тот бы сказал правду. И отправился бы в ад. Или еще куда-нибудь. А вообще какая разница. Где мы живем сейчас? Куда мы отправимся потом? Вы все так хотите в рай. Вы все настолько глупы что пиздец, наивны, обманываете кого-то и говорите «только я тебя люблю» идите на хуй. проще ничего не сказать. Соврать. т.е. сказать правду. Вы заебали своим враньем заебали своей правдой. заебали одним своим существованием. Вы ничтожные крысы, вы можете убить слона, убили бы тиранозавра, но какая-нибудь невидимая бактерия – вирус спида или африканской лихорадки – убьёт вас за год, за день, за час. и вы уже ни хуй не сможете сделать. Не сможете заниматься благотворительностью, отасывать у кого то, пить вино, делать всё чтобы попасть в рай. А рая нет. Я думаю это всё пиздёж. Рая то нет. Ада нет. Нет просто ни хуя. Т.е. там, за гранью того что мы понимаем находится что то но вы, слабоумные придурки также как и я. Мы не можем понять что там. мы никогда не узнаем что там. Нам этого не дано.

Предположим автомобилист сбивает прохожего и тот умирает. Прохожий шел сдавать кровь, чтобы спасти жизнь ребенка больного раком или прохожий шел взорвать детский сад, потому что выжил из ума – у соседей ребенок орет по ночам, стены дома тонкие – строили молдоване и человек сошел с ума от детского плача, от того что пара ебущихся ущербов не смогла успокоить своего дегенеративного отпрыска. Что совершил водитель? Добро? Зло? Добро! Зло! Скажите вы. Заткнитесь блять. Вы ни хуй не знаете и не можете знать. Я ни хуй не знаю и вы тоже. строите из себя умных снобов, пиздите, одеваетесь в кружевное женское белье и думаете о том как попасть в рай. Ааа блять насколько вы тупы. всё это придумали, выдумали.. Нет не рая не ада, ничего нет. то есть «ничего» тоже нет. И вы по любому получите пизды. т.е. все мы потом куда то попадем но как зачем и куда мы не можем знать. Мы ограничены. Так же как не можем подпрыгнуть до луны и бегать со скоростью 200 км в час. Поэтому нет ничего хорошего, плохого, доброго

и злого, маленького и большого. это всё слова. А слова это пустопорожня хуйня. Есть реальность, вникнув в которую можно охуеть и сойти с ума. А есть то гавно, чем вы живете, во что верите, что делаете каждый день. продолжайте в том же духе. делайте добрые дела. Вы умрете скоро. Я тоже умру. И когда мы с вами встретимся там, за горизонтом нашего убогого сознания, мы с вами поговорим начистоту, вы не будете мне врать и не скажете мне ничего правдивого, потому что там нет категорий, выдуманных нами. что там есть – я не знаю. Возможно мы вообще ничего друг другу не скажем. Там наверное нет слов вообще – чтобы никто не мог врать. Мы станем частью чего то большого. Я так хочу чтобы я и еще кто то понимали друг друга на каком то запредельном уровне. Я действительно хочу этого. Но я не нахожу ни в ком человека который бы меня бы смог понять на сто процентов. А ведь даже 99 процентов – это уже пиздец и не нужно. Мы все хотим стать частью чего то большого – хардкор юнити, союзы какие то – люди хотят слиться в экстазе – но это происходит даже на животном уровне – самое хуёвое что они и вы что то еще придумываете как то это называете – это просто ёбля, гавно.. Я так бы хотел найти кого то. но это наверное не возможно, я не знаю, я отчаялся... Может там вообще ничего нет, а может есть ВСЁ. Я не могу этого знать, я если бы знал, то не писал вот этой хуйни. С любовью, | 1.

Фобии, фобии, фобии, блять, ёбаные фобии.

Все мы чего-то боимся. боимся умереть, боимся остаться одни, боимся за своих друзей, за своих родных, близких, боимся потерять что-то ценное, боимся завтра не проснуться, боимся терактов, войн, отключений горячей воды, введения сухого закона. Все мы боимся что нас поймают, обвесят на рынке, обманут, обворуют, обгонят, обведут вокруг пальца, оболванят, заберут в армию, посадят, повесят, поставят в угол, положат куда то в темное место, забудут, пнут, ударят, плюнут в лицо, нахамят. Все мы боимся темноты, пауков, пчел, домовых, барабашек, акул, медведей, бандитов, НЛО, ведьм, снежных людей, милиционеров, машин, сосулек с крыш. Все мы боимся стать старыми, никому не нужными, дряхлыми, одетыми в лохмотья, срущими под себя, непомнящими, склеротиками, гипертониками, диабетиками, наркоманами. Все мы чего-то боимся. Это факт.

Только однажды я видел человека, который ничего не боялся. По телевизору. в программе криминальной хроники. По его взгляду сквозь советские очки с серыми дужками я понял, что он ничего не боится. Ничего не боялся точнее. Это был взгляд человека, у которого ничего нет и ему ничего не нужно. Это был взгляд человека, которого нет. Этого человека звали Андрей. А фамилию не запомнил. Вроде Чикатило, а может и нет.

жек виноград стоял и иногда пахало яблоко виноград отчима на грядке
о чудесном яблочке-чайке съедобном, которое висело на винограде. И-кто-
был бы оправдан в этом скандале, если бы яблоко изъятое под тоской земли
засохло и не имело кончиков от земли, а винограду ничего не дает?

Я летал-летал и всё таки попался в эту паутину. Это конец.
Вот он уже этот ужасный уродливый паук-убийца. Вот его
жало. Оно рвёт моё слабое тельце. Всё.. прощайте...

А.. что.. Где я?

Почему он умер, а я нет? Он умер? Эй, ты! Ты живой или
нет?

Паук не отвечает. Чёрт побери.

Я лечу и специально путаюсь в следующей замеченной мной
паутине. На сей раз черная громада с мертвой головой на
огромном теле. Давай кричу ему. Не понимает. Та же
история. Через минуту он умирает в конвульсиях.

Что это? Почему? Почему я ядовит **ДЛЯ НИХ**?

В детстве я был гусеницей и ел всё подряд. В основном
листву. Молодые побеги. Ягоды. Ел ел ел ел ел ел ел
ел ел ел ел. Потом я закрылся в кокон. Вылетел из него кем
то новым, совершенно не тем кем был раньше. Понял что
мир это не то лишь по чему можно ползать. Раньше он
делился на меня на две категории: съедобное и несъедобное.
Теперь не знаю..

Как? Как я стал таким как сейчас? Почему они меня не
могут убить? Что я такого сделал? Может пыльца какая-
нибудь... от мутировавших растений. Но ведь другие
порхают вместе со мной по тем же цветкам.. и вон они,
завернутые в белую свеч-простыню пропитываются
желудочным соком. Что не теперь делать? Убить всех
пауков, чтобы спасти всех своих братьев? Только зачем, ведь
от этого мои братья не станут лучше, в их жизни появятся
проблемы, и они станут еще меньше задавать себе вопросов.
Для них мир без опасностей станет праздником. Или что?
Надо попытаться узнать, как я стал таким! С чего всё
началось? Неужели с...

Редакции нашего журнала доподлинно известно жизни о такого человека как Вова-Несмеющийся. он прославился тем, что, твёрдо усвоив пословицу «Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним», за всю свою жизнь – а это не много не мало 63 года, ни разу ни улыбнулся, ни рассмеялся. Его пытались смешить родители, друзья, коллеги по работе, соседи, даже репортеры, несколько раз писавшие в прессе об этом человеке. На смертном одре перед тем как его сердце навсегда перестало биться он не улыбнулся, а лишь еле-еле тихим голосом прошептал «Наверное я был неправ».

Не мне решать был он прав или нет. Не знаю, что там дальше, после смерти. Можно ли там смеяться или нет. Но в одном этот рассказ меня заставил усомниться. Есть ли смысл вообще размениваться по мелочам? Вся наша жизнь фактически заключается в этом. Жизнь городского вампира. Тебя, меня, Наташи, Коли, твоего начальника. Так вот, straight edge на мой взгляд и есть один из способов прекратить расточать свою жизненную энергию на абсолютно ненужные вещи. Нет, безусловно, это всё ложь. Т.е. правда. А именно то, что сейчас меня упрекнут в пропаганде поддерживаемого мною стяга. Ну уж нет! Так вот смысл в чём. Есть ли смысл угорать понемногу? В пьяном угаре быть витрины, обменивать свободу на пару секунд псевдо-блаженства, обменивать дни на пару часов ветра в голове? Если вы считаете, что есть, то можете продолжать жрать и пить своё дерьмо. В смысле тот кал который вам впаривают.

Но не надо мешать божий дар с яичницей, как это делают тупоголовые идиоты-расисты, хардкор модники и прочие люди с тугими карманами и не менее тугой и тупой головой. Кто вам расскажет о воздержании больше – Вова-Несмеющийся или человек, молчавший восемь лет и сидевший в яме, которого заставил заговорить невесть откуда на него свалившийся с неба носатый англичанин в одежде римского раба? Или человек, неделю ходивший по лесу и питавшийся коренями, перед которым вы поставите тарелку аппетитных макарон с соевым мясом? Или человек прошедший полпустыни, видевший 20 оазисов, оказавшихся иллюзиями и наконец-таки нашедший источник влаги, кажущейся сейчас нектаром, в том смысле, в котором это слово понимали современники Платона, Евклида, Аристотеля и Галеса?

К чему весь этот набор букв? Сидя дома, в подвале, ходя по гостям, на вписки, на концерты, в кино, нельзя оценить всего того, что творится за окнами серых шлакоблоков. Так и сознание – нельзя его заставлять сидеть взаперти, в подвале. Нельзя ограничивать себя в мысли. Это самое большое горе для меня видеть таких людей. Нас всех заставляют ДУМАТЬ в НУЖНОМ направлении. Можно быть одетым в Напапиджи из Третьего Рима или в спорт костюм с ближайшего рынка, можно слушать Вивальди или Анти-Кимекс, можно есть пшеничные ростки из Перекрестка или чизбургер из Макдональдса. Но можно мыслить, а можно быть запертым в бесконечном цикле без увеличения счетчика на единицу. Можно тысячу раз обежать гору вокруг и ничего не увидеть, а можно забраться на неё и увидеть весь мир. Он красивый, правда, поверьте. Просто надо взять тряпку, протереть слегка окна, подобрать мусор. Чистку надо начинать себя, но на это может уйти и вся жизнь. А что в конце – те же виновины «Наверное я был неправ». Или что? Что ты скажешь перед своей смертью? А?

Ты хочешь так мало? – спросил он.

Да – ответил я.

Ну ладно. Тогда можешь также заказать что-нибудь на сдачу.

Чтобы у кое-кого вместо одной звезды было две.

А ну это легко устроить - сказал он. – Давай подписывай бумаги.

Ага. Только видишь что у меня с руками – я показал ему перебинтованные кисти.

Да ничего – черкани что-нибудь и дело с концом.

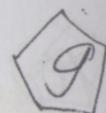
Я, немного разодрав кофту и обмакнув перо, вывел какую-то закорючку на предложенном им листе бумаги. Он рассмеялся, сказал что сегодня же выполнит свою часть контракта. Попрощался и исчез.

Через минуту я вышел из ступора и начал ржать. Не смеяться, а ржать. До слез, до сбива дыхания. Я валялся на полу. Минут через десять я нашел себя в полном бессилии лежащего на полу. Сознание постепенно возвращалось ко мне. Неужели я смог?

Всю жизнь меня кто-то обманывал. Кто-то впаривал мне просроченные батарейки, чёрстевые булочки с джемом, вчерашние газеты. Кто-то брал у меня диски и не отдавал. Кто-то брал у меня в долг и не отдавал. Кто-то обещал мне что-то делать и не сделал. Я всё помнил, а они забывали. Я их за это ненавидел.

Меня легко обмануть. Я доверчивый. Я верю людям, смотрящим мне в глаза. И кто-то этим пользовался. Но сегодня я обманул их всех. Тех, кто мне врал. Я обманул самого главного обманщика, значит и всю ту шваль, что ниже его по рангу. Нет, после этого я не стал чувствовать себя лучше, я просто угорел на 10 минут. Всё это может быть вернется ко мне в десятикратном размере ну и пусть. Плевать хотел.

А сейчас я пойду допивать свой любимый вишнёвый сок. Попробуйте обмануть меня. У вас наверняка получится.

Люди сходят с ума по-разному.

Один американец выжил из ума и проведет за решеткой 100 лет. Суду было всё равно, что когда его заключали под стражу, он был уже неделю как мёртв. Закон превыше всего. Справедливость должна восторжествовать.

Джим Кейн был обычным офисным работником. 40 лет, разведен, 2 детей – мальчик 9 лет и девочка 6. С детьми и женой не встречался. На работе о нём не могли сказать ничего плохого. Свою работу он выполнял добросовестно, в срок. Соседи не могли сказать о нем ничего плохого. Жил тихо, не пил, ночью не шумел.

За что же этот человек будет коптиться в тюрьме целый век?

Первое заявление в полицию Джим написал год назад. В нём было указано, что него украли телевизор. Полицейские прибыли к нему дмой и действительно не обнаружили телевизора, хотя пульт к нему и дvd плеер были на месте. Потом у Джима украли кредитную карточку – вор успел снять все деньги, прежде чем избитый до полусмерти Джим был найден проезжавшей мимо скорой и доставлен в госпиталь. Камера видеонаблюдения у магазина зафиксировала чёрного мужчину в бейсболке и мешковатой одежде, который осуществил снятие денег со счета Джима. Джим быстро поправился и опять стал исправно ходить на работу, никаких нареканий к нему опять не было.

Через несколько месяцев Джима еще раз избили на улице хулиганы. Теперь всё оказалось сложнее – сотрясение мозга, открытый перелом руки. Около месяца Джим потратил на лечение, после чего снова вышел на работу.

И вот пару недель назад, когда он уже 3 дня не появлялся в офисе, и соседи не видели его, полицейские взломали его дом. Джим лежал посреди комнаты мёртвый, всё тело его было в ссадинах, по всей видимости он был подвержен сексуальному насилию, на теле его были нацарапаны ножом свастики, пятиконечные звёзды, какие то непонятные знаки. При обыске в подвале дома был обнаружен исчезнувший телевизор. А в одной из книг, коих у Джима было немного, нашли вырезанный, в котором находилась большая сумма денег, примерна такая, которая была похищена злоумышленником с карточки Джима.

Следствию и не потребовалось пары дней, чтобы доказать что все преступления, совершенные против Джима, были совершены им самим. Суд по совокупности дал Джиму ровно 100 лет тюрьмы. Всем было наплевать, что сердце Джима уже неделю как не колотится, а от тела исходит крайне неприятный запах. Закон – один для всех. И тот, кто его нарушает, должен за это ответить.

Пусть я никогда не научусь сублимировать нечто очень большое в нечто очень маленькое, и абсолютно бесполезные слова будут превращаться в строчки текста посредством рук клавиатуры или карандаша. Это не будет призывом к действию или бездействию. Надо что-то делать всегда. Надо доказывать свою правоту. Будь ты тысячу раз не прав, лишь в попытке доказательства правильности своей жизненной позиции ты можешь понять, что она на самом деле ничто. Ничто, как и ты сам. Как я. Как все кто тебя окружают.

Ничто по сравнению с чем-то слишком большим, ничто по сравнению с чем-то слишком малым. С тем, что не укладывается у меня в мозгах. И из-за этого ловлю разноцветные круги глазами и нанизываю их на стек. Они ушли в леса, чтобы сказать нам что-то очень важное. Но мы не слышали, что они нам кричали оттуда. Мы были глухи или они немы - разницы нет. Они пытались, мы - нет. Они вернулись в город, чтобы сказать нам что-то важное, мы упрятали их в психушку, потому что посчитали их больными рассудком. Врачи больницы сами сходили с ума от разговоров с ними, после чего тех лесных людей решено было полностью изолировать. Их поселили в звуконепроницаемые дома. Давали пищу и одежду по автоматической линии. За ними только наблюдали по видео камере. Без микрофона. Когда они умерли, кто-то получил медаль. Один молодой выпускник медицинского вуза хотел написать по ним диплом, да не смог – разбился в катастрофе. Кто они были? Что они нам хотели сказать? А ты видел, как человек разговаривает со стаканом воды? Вдыхая лесной воздух, они вытягивали губы трубочкой, целуя его. При питии воды из реки они вытягивали губы трубочкой и целовали реку. Их собственная религия заключалась в любви ко всему. Живому и неживому. Они не делали разницы между оленем или кустом рябины. Они брали с дерева лишь столько плодов, сколько было нужно. Не все, а лишь какую-

то часть, которую само дерево им выделяло, говоря – берите-берите, у меня есть еще, мне этого хватит, берите мои плоды, я так радо, что вам они нравятся. Их дети носились по лесам вместе с волчатами, играли с медвежатами и грызли орехи вместе с юными белочками. Всё это было слишком похоже на... было... похоже... я лишь могу это с чем то сравнивать, ибо сам не видел, так как сижу взаперти с компьютером и телевизором в придачу. Им добавляли какие-то химические вещества в пищу. Но они её не ели. Они умерли от голода, так и не вырастив берёзы из деревянной лакированной ножки кровати. Где-то рядом батюшка продавал индульгенции с черного хода, кто-то продавал себя. Везде есть плохое и хорошее. Люди умирают от голода или от передоза фена. Вскрывают себе вены в метро или сдают кровь в помощь больным лейкемией. Людей убивают высокооплачиваемые киллеры или алкоголики с тремя копейками за душой. Если ты сам мне твердишь, что второго шанса нет, то зачем ты построил часовню на честно сворованные деньги? Зачем ты жертвуюешь людям часть того, что нагло у них украл? Второй шанс есть, можете спросить у свитхуда шарк из секонда, украшенного ныне похожим на даффер значком. Но я не думаю, что он будет с вами разговаривать. Вы его не любите. И как бы вы не хотели к нему примазаться, он ни скажет вам ни слова. Да и мне не сказал. Вот еще одна в белом платье, украшенном какими-то рисунками. В архив. И ничего больше. Вычёркиваем. Остаётся где-то пять. Ненавижу себя. Перчатки так и не купил пока. А у неё были две пары чёрные и белые. Где она сейчас?

Убогие люди становятся террористами из-за отсутствия мозгов в голове. Ты стал им из чувства мести. Отличник, спортсмен, душа компании, блестящие перспективы на будущее. Всего этого больше у тебя нет. И что самое главное – тебя тоже больше нет. Ты умер. Ты убил себя. Ты убил еще сотни людей. Для всех ты – террорист. Но может быть через 1000 лет на Марсе твоим именем назовут город. А может и не назовут. Если все умрут. А они умрут. Все.

Ты с детства мечтал о собственной машине. Ты мечтал, что будешь катать на ней свою девушку, возить родителей в деревню. И на твоё двадцатилетие родители сказали, что подарят тебе машину. Обычную, российскую, не иномарку, оду из самых дешевых. Ты был очень рад. Записался на автокурсы, сдал на права, причём сам, не платил за экзамены. За рулем машины ты чувствовал себя прекрасно. Сбылась твоя давняя мечта. Ты води аккуратно, никого не подрезал, соблюдал все правила. Для тебя это было даже делом чести. И вот однажды, когда ты преследовало вез семью на дачу, твоя машина попала в аварию. Какая-то бронированная, дорогая иномарка вылетела о встречной полосы и взрезалась в левый бок твоей машины. Водитель и пассажиры иномарки не пострадали. Тебя же отвезли в больницу, ты был в тяжелейшей коме. А твоя маму в больницу не повезли, её повезли сразу в морг. Она умерла сразу же.

Врачи хотели плонуть на тебя и выставить из палаты умирать, так как у них было много более важных пациентов, ждущих липосакции, подтяжек лица. Но всё таки тебя подключили к аппарату искусственной вентиляции легких и другим системам поддержанию жизни в твоём.. хотел сказать тебе, но на обычное человеческое тело это было не похоже. доктора заключали пари, сколько ты протянешь. Все они проиграли. Ты показывал удивительную тягу к жизни. В больнице такого еще не видели. Тебе провели много операций. Год ты лежал в различных палатах. И в результате тебя выписали. Ты вышел, нет выехал из больницы на инвалидной коляске, у тебя могла двигаться только одна рука. Даже головой ты почти не мог двигать. только моргать, открывать рот для того чтобы поесть или промыть что-то нечленораздельное. тем не менее ты сохранил все свои умственные способности. Ты думал, ты очень много думал. Дома тебя ждали. или уже нет. Отец спился и его уволили с работы. бабушка окончательно сошла с ума, постоянно что-то вязала, разговаривала с кошкой и каждый день в 5 часов вечера говорила, что тебе нужно помыть посуду, потому что скоро мама придёт с работы. Но мама не приходила и бабушка плакала. Плакала сестра плакал отец. только он не плакал. он улыбался с экрана телевизора, со страниц газет, рассказывал о том, как все хорошо заживут, только осталось подождать

пары лет до экономического подъема. Подъем. Это слово тебе было знакомо не понаслышке. Ты не мог сам ездить гулять, поэтому сестре приходилось постоянно возить тебя. Хорошо еще, что вы жили в доме с лифтом. Но ей было очень тяжело спускать тебя с 1 этажа на улицу, так как ступеньки до лифта не были оборудованы подъемом для колясок. К тебе никто не приходил, друзья думали что ты давно умер, твоя девушка уже вышла замуж и родила ребенка. Ты был никому не нужен.

Правительством был издан указ об оказании помощи инвалидам. Этот указ предусматривал установку специальных подъемников и «рельс» для колясок. Первый подъемник установили конечно же в доме правительства. Для его торжественного открытия решено было пригласить нескольких инвалидов, чтобы показать, как всё замечательно. На этом празднике жизни все улыбались. Кроме вас, колясочников. Все подходили к вам жали вам руки, удивлялись вашей жизненной силе. врали. Их улыбки были обеспечены подтяжками, во время которых такие люди как ты умирали в коридорах больниц. Вам вручили коробки конфет, бутылки коньяка. Какая им была разница, ведь они не знали, что ты ешь только яблочное пюре и пьешь молоко. они не хотели это знать. А по протоколу указано – подарки инвалидам. «подъемник в каждый дом», «инвалид – полноценный член общества». Репортеры брали интервью у всех кроме вас.

И вот торжественный момент. Подходит он, чтобы разрезать ленточку первого подъемника для инвалидов. Он берет красную ленточку в левую руку. Ты кладешь палец левой руки на красную кнопку у себя на коляске. Он берет ножницы в правую руку. Улыбается. подносит ножницы к ленточке. Делает режущее движение. Ты нажимаешь кнопку. 1 кг пластида детонирует и разносит весь первый этаж красивейшего здания. Люстры, дорогие ковры, дорогие костюмы, дорогие тела, всё превращается в красно-черную кашу. Красно-черную. последние три месяца ты постоянно бубнил это словосочетание себе под нос. Это не джихад, это не взрывы автобусов с невинными обывателями, это не захваты больниц, не взрывы домов со спящими детьми. Эти люди виновны виновны виновны виновны виновны виновны. И поскольку руки судей международных трибуналов по локоть в крови, ты – ангел с мечом и дьявол с трезубцем в одном лице. красное на черном, черное вперемешку с красным, грех вперемешку с благодеянием, злое добро, доброе зло, всё вперемешку ни с чем. Ashes to ashes, dust to dust.

Можно верить в Бога, в дьявола, в хардкор, в судьбу, в приметы, в барабашку. Для себя я попытался разобраться чем же вера в водяного отличается от веры в старушку Анастасию. Как судьба может вас заставить поверить в себя? Предложим, вы идёте по улице, на переходе в 10 метрах впереди от вас пролетает машина и сбивает какого-либо пешехода. После этого вы наверняка станете фаталистом, так как вспомните, что выйдя из квартиры, возвращались туда, так как забыли сотовый телефон. Механизм крайне прост. Всем нам хочется чего-то необычного, все нам хочется верить, что мы – «баловни судьбы». Все мы находимся в перманентном ожидании чуда. Что вот-вот, а что-нибудь случится и непременно с нами. «Судьба – злодейка». На судьбу можно свалить какие-то просчеты – «не судьба». Или наоборот. Наверное это слишком просто, разве нет?

Нам всем хочется во что-то верить. В то, что нас действительно волнует? НЛО, снежный человек, Лохнесское чудовище? Они – ваши соседи? они заходят к вам на чай вечером? они возьмут вас к себе на другие планеты (ведь вы такой уникальный)? Всем нам хочется верить в торжество справедливости, в победу добра над злом, в неразменную десятку. но вера эта ни на чем серьезном не основана. Она основана на наших собственных страхах, слабостях и лени.

Домовой «своими» шалостями заставит вас поверить в своё существование и эта вера даст ему смысл к существованию. В него кто-то верит, значит он кому-то нужен. Старушка Анастасия даст вам дошатый сарай в чистом поле вместо трёхкомнатной городской квартиры и пообещает вам за это вечную жизнь. И вы ей поверите и будете перед посадкой отмачивать семена в козьем молоке и стругать бревна собственными ногтями. В обмен на веру вам что-то предлагают. что-то сегодня, что-то через двадцать лет. Что-то, что казалось бы наполнить вашу жизнь великим смыслом. На самом деле в это вы сами хотите верить, вы сами говорите «я хочу то-то то-то», и некие предприимчивые люди играя на ваших слабостях предлагают вам иллюзию, беря взамен всё, что у вас есть. Поверив в радужные перспективы вы становитесь рабом.

Настоящая Вера вам ничего не предлагает. она даже ничего не говорит. Она ничего не обещает. Она просто есть.

Нудная работа директора департамента корпоративных продаж. Как отбросить на второй план все эти бизнес планы, стратегии развития, дебиторскую задолженность и ценовую политику. В двадцать пять лет – можно ходить по клубам, убиваться белым, снимать относительно дорогих красивых женщин и тому прочее. С утра проснешься – голова потрешил до обеда, зато потом – всё ок. В тридцать приходится поумерить свой пыл – ужин при свечах в дорогом ресторане с красивой женщиной, самые лучшие места в партере на театральные премьеры, на отпуск – золотой юг Франции, невнесенные на карту мира частные острова в Тихом океане или Швейцарские горнолыжные трассы. А что же в сорок лет – когда уже и жена и ребенок и в зеркало смотреть противно – хочется плюнуть в отражение.

В 42 года Михаил по совету старого друга решил посещать фитнес клуб.

- Да там же всё для баб – аэробика, бассейн – сначала говорил он.

- На тебе визитку, позвони, запишишь. Говорю – не пожалеешь.

Позвонил, записался.

Спортом Михаил никогда не увлекался особо – разве что в юности в футбол гонял.

Тут начал два раза в неделю ходить в тренажёрку, по субботам – тэквон-до с инструктором, бассейн с массажным водопадом. Живот заметно уменьшался в размерах, руки из дряблых веревок превращались в стальные канаты.

Один раз он приехал в клуб поздно. Около десяти вечера. На работе было какое-то очередное собрание, компрессование мозгов, после которого очень хотелось скинуть всю злобу на коммерческого и генерального в железо.

Для разминочки Михаил пошел на беговую дорожку. Включил обычную скорость. Через 10 минут он решил прекратить хождение и перейти к чему-нибудь серьезному но не мог – как будто кто-то удерживал его, не давал ему сойти с тренажера. Скорость дорожки постепенно увеличивалась уже

приходилось бежать. Михаил бежал и кричал. Но никто не приходил. Странно подумал он. Дорожка сломалась и почему я не могу с неё сойти. Через пару минут у него уже не было возможности думать. Он мчался как паровоз, весь красный, обливающийся реками пота, из последних сил. Как только его ноги подкосились и он упал – дорожка сразу же остановилась. Михаил не понимал, что с ним происходит. Какая то неведомая сила кинула его на силовые тренажеры. Вес сначала был небольшим. Но постепенно всё увеличивался и увеличивался.

Никого рядом не было. Сознание Михаила отправилось куда-то далеко – он как робот просто поднимал килограммы и ни о чём не думал. Потом – штанга...

Утром его труп нашли на скамейке. Горло было перебито злополучной штангой, вес на которой был ни много ни мало 120 кг.

Для кого-то он был отцом, мужем, сыном, начальником, другом, любовником, соседом. Кому-то его смерть принесет горе и страдание, кому-то – продвижение по карьерной лестнице. Кто-то будет плакать, а кто-то нет.

А для кого-то это всего лишь убийственное «+1».

Чувство разочарования. когда прыгаешь с двенадцатиэтажного дома, но вместо асфальта – желе. Поднимаешься, идёшь, закуриваешь сигарету, кашляешь, потому что не курила уже хуй знает сколько лет. Потому что уже хуй знает сколько лет не прыгала с крыш. И всё же этот город отрыгивает теня. Он блюёт людскими жизнями. Ловит кайф от автокатастроф, загоняется насилиниками. Хохочет от детских слез, его не разрушит даже ядерный взрыв. город так и будет продолжать ухмыляться. Он будет продолжать варить винт в огромных чанах заводов, курить гашиш из выхлопных труб авто. Он будет продолжать убивать, грабить, насиловать, сжигать, разлучать, сковывать, разрывать, ломать, рвать, мять, выбрасывать на помойку, пинать, бить. и мы будем это делать по его приказу, гнить в собственных квартирах. Задыхаться в комнатах, сидеть, опутанными нитью телевидения, интернета. Мы будем продолжать убивать себя, убивать других, выкальывать другим глаза. Вырывать языки. Разбивать лица. Разрушать чужие дома. Плакать. Взывать к кому-то, не находить ответа. Играть в русскую рулетку с полным барабаном патрон. Мы будем обливаться бензином и поджигать себя. Вскрывать вены лучшим друзьям по их просьбе. Умолять о пощаде специально для того, чтобы нас убивали с еще большей жестокостью. в очередной раз встречая рассвет на панели с выпачканными спермой и рваными колготками ты вспоминаешь как отсасывала у учителя физкультуры за пятерку и заплачешь от бессилия перед самой собой, потому что ты сильнее их всех вместе взятых и слабее каждого в отдельности, умнее самого умного физика и глупее самого тупого дауна, красивее красавицы с обложки глянцевого журнала, на котором твой клиент раскладывал дорожки героина, и страшнее самой сраной пропитой старой на хуй алкоголички с лицом - куском мяса. Ты чище самого праведного священника, и грязнее маньяка, засовывавшего детям в рот из вырезанные половые органы. Тебе хуёво и ты блюёшь желудочным соком на мостовую. Солнце отражается в лужах. 15 сентября. У тебя перед носом падает золотой лист клена. И ты вспоминаешь, как гуляла с первым своим парнем, Андреем, по какому-то парку на речном вокзале, и как вечером он со своим пьяным другом выебли тебя и засовывали бутылку водки тебе в пизду. Даже тогда тебе не было так хуёво как сейчас. Ты смотришь на свои гидропиритные волосы и вспоминаешь, что как только ты их покрасила, в первую же ночь тебя снял хачик, который отвёз тебя за город, где неделю тебя трахали и избивали десять, а может сто его друзей. потом они выкинули тебя как старую игрушку, и наверное купили новую. Даже тогда тебе не было так хуёво как сейчас. Даже когда какой то хуй связал тебя, стегал тебя плетью, сувал тебе в жопу какую-то раскаленную хуйню, тебе было лучше. Даже когда ты сидела на белом и два дня не могла достать дозу, а потом лизала жопу какого то негра своим сухим языком и представляла как через секунду тебе будет хорошо. Были моменты в твоей жизни, когда тебе было очень хуёво, очень-очень хуёво, больно, противно, всё заёбывало на хуй. Были моменты, когда тебе было пиздато, тебя мазало, накрывало. В далеком детстве, когда ты жила в деревне у бабушки, тебя окрестили в маленькой церкви. Свой первый крестик ты давно потеряла. Потом покупала какие-то еще, но меняла их на героин. У тебя в комнате были иконы. На Пасху ты ела кулич. Всё это было, кажется, так давно. Ещё вчера ты думала что дальше ничего нет, что потом ничего не будет. Пустота. Сегодня ты поняла, что ошибалась. и охуела.

Полтора года назад в стране, запомнившейся нам на этой неделе митингами против приезда Папы Римского Бенедикта 16-ого, на последней секунде того драматичнейшего футбольного матча игрок А стоял в рамке ворот, а игрок Б стоял за линией штрафной готовясь к пробитию последнего послематчевого пенальти. Игрок Б ударил почти по центру, немного влево и мяч полетел на средней высоте. Игрок А стоял до конца, не прыгал в какую-либо сторону. Он отразил удар игрока Б, после чего утонул в объятиях своих одноклубников. Игрок Б добил мяч в ворота но это доставило ему еще больше разочарования. Игрок Б звезда, этого никто не отрицает, этого никто не отрицал в тот вечер, за год до него, никто не отрицает и сейчас. Он постоянный игрок основы национальной команды своей страны. Игрок А - не звезда, он не является игроком своей сборной, не попадает в основной состав своего клуба, он нем не пишут в газетах, в отличии от игрока Б, не слезающего с первых полос не только спортивной прессы, но иногда и таблоидов, смакующих некоторые эпизоды его жизни. В сентябрьской встрече клубов, где сейчас играют игроки А и Б (Б сменил клуб, а А - нет), игрок Б сыграл 65 минут, а игрок А не вышел на поле. Чемпионат, в котором они оба играют - это жемчужина мирового футбола, эталон, знак качества. Тот футбол это больше чем игра, это жизнь. Семь дней в неделю, 24 часа в сутки, 3600 секунд каждый час они живут только футболом.

Игрок Б надолго запомнится любителям футбола, имя игрока А уже сейчас многие забыли. Забыли и те, кто полтора года назад превозносили его до небес. Но в том самом конкретнейшем из всех конкретных эпизодов, игрок А был сильнее, лучше, умнее, удачливее игрока Б. в тот момент он был в миллион, в миллиард раз счастливее его.
(не могу больше ничего придумать) мы живем и не знаем что будет завтра, что будет сейчас. Забьем ли мы гол или нет. Отразим ли пенальти или нет. Жизнь она гораздо конкретнее. Второго шанса может и не быть. Каждая утекшая с момента начала написания мной этой статьи секунда - это еще одна революция, не совершенная мной. Или кем-то другим. Это настолько много, что я сам этого не понимаю. Сегодня ты герой, завтра о тебе забыли, сегодня ты что-то делаешь, завтра лежишь на диване. Это всё лишь кажущаяся простота, за которой стоит неимоверно сложная и многогранная Реальность.

Ударил бы Б в правый верхний, и не написал бы я эту статью, и не посмотрел бы видео со стадиона, а может бы вышел на улицу и... но он ударил как ударил а я написал что написал. И только в этом истина, ибо во всём остальном её нет и не может быть.

Я понимаю, что не могу никому верить. Это самое ужасное.
Раньше я кому-то доверял, много рассказывал. Теперь я этого
стараюсь не делать. Хотя болтливость иногда подводит, но всё же.
Желание выделиться из толпы испарилось.
Неужели мы все рождены, чтобы нами управляли? Неужели нельзя
выйти за границы дозволенного? Как это сделать, чтобы не
навредить себе и окружающим? Неужели мы так и будем
плескаться в лягушатнике?

Всё это придумано кем-то?

Да да да да

Нет нет нет нет нет

Я свинья, мечу бисер перед своими братьями свиньями, я
двуличное дермо, я никому не нужен, я ненавижу себя, я не
представляю что со мной будет через год, я вру каждый день, я вру
себе в первую очередь, я не могу сделать шаг, я ленивый,
безынициативный, скучный, неинтересный. Я обыкновенный,
никто, заводной апельсин, вчера я дрошил на свою
индивидуальность, сегодня – не знаю, наверное надо сачать
порнофильмов из сети. Я не отвечаю за свои слова, я слаб, я
обжора, я не умею говорить, пишу с большим трудом.

Я я я я я БЛЯТЬ ЗАТКНИСЬ!!!

Я никому не нужен..

Это всё никому не нужно.

Я не знаю кому верить и верить ли. Я бы продался за квартиру,
оклад и жену, которая готовила бы мне вегетарианскую пищу, да
никому я судя по всему не нужен. Это так хуёво понять. Я даже
сейчас этого не понимаю до конца. А когда пойму то наверное.. не
знаю. Я действительно уже ничего не знаю. Стена обмана,
сигаретного дыма, сладких грёз и чего-то там еще рухнула когда я
только её построил, я уже в 4 года был ничем. Когда всё
перепробуешь, хочется уже чего-то нового, не знаешь чего. Я
охуел то статьи – московский бомонд, удовлетворив все свои
гурманнические прихоти стремится к фаст фуду.

Что такое фаст фуд? Это всё, что меня окружает сегодня, чем я
живу. Мне кажется все вокруг врут, никто не говорит правду, все
молчат. Я очень часто сам вру другим, хвалю зины, которые мне
не нравятся, здоровлюсь с людьми, которым за спиной
перемалываю кости, говорю что мне что-то интересно, хотя на

самом деле наоборот – тошнит!!! Всё это плохо. Самое плохое – что я всё это понимаю, говорю себе что вот в последний раз, ну еще чуть-чуть, что завтра бла бла бла, а всё равно ничего не меняется. Ничего. Я ошибался в себе все эти годы, считал себя круче и лучше других, думал что мне должно вот-вот повезти, учил уроки, слушал музыку, ходи на футбол. Верил во что-то. Теперь я не хочу ни во что верить. Всё это мыльный пузырь. Который лопнул. Где правда? Неужели я никогда не смогу её найти? неужели я настолько глуп, слеп, недоразвит?

Кто-то приглашает меня на работу, где надо что-то делать но я не умею или не хочу. Если бы не родители – я бы давно уже опустился ниже некуда. Я всё уже отыграл. Весь спектакль уже 1000 раз отыгран в моей голове. Я не могу слушать музыку или смотреть фильм по второму разу – мне неинтересно. Наверное мне неинтересно жить. А вам?

Я прошу, пожалуйста, не врите самим себе, врите другим, они этого достойны, врите мне. Я достоин всего этого. Я сё равно уже всё это видел во сне и мне действительно по хуй. Я не знаю где и кем я буду завтра. Наверное таким же ущербом как сейчас или еще хуже. Мне вроде есть куда падать.

Я это написал или не я? Какая разница. эти слова ничего не изменять. Ничего ничто не изменить в глобальном смысле. А может и не надо ничего менять?

Его собаку задавила машина. Он в 8 часов вечера выходил гулять с пустым поводком. Однажды он встретил девушку. Она тоже шла с пустым поводком. С той минуты они уже не расставались. Они жили недолго и счастливо. Через 3 дня они умерли. Оба повесились на поводках.

Мы никогда уже не будем такими, как мы были раньше, мы никогда уже не будем такими как сейчас. Заключенные в панцири безразличности, скафандры чёрствости, придуманные нами же чёткие границы общественных ролей, границы наших образов. Мы своим существованием доказывающие возможность и, что самое главное, действенность сопротивления. Мы своими действиями вызывающие отвращение и страх у врагов. Мы, взывающие к разуму, а не к инстинктам, к сочувствию, а не к эгоистичности, к содержанию, а не к форме, к милосердию, а не к жестокости, к созиданию, а не к потреблению. Мы игроки-шулеры, актеры-бунтари, свободные художники, не принимающие условия всемирной игры, не желающие играть роли, предлагаемые нам режиссерами спектакля, не желающие рисовать на заказ. Мы живем в несуществующем мире, в несуществующих городах и странах, на несуществующих улицах, в несуществующих домах и квартирах. Мы звоним по несуществующим телефонам, отправляем письма по несуществующим е-мейлам. Любим несуществующих людей, общаемся с несуществующими друзьями, воюем с несуществующим врагом. Мы есть, и нас нет. Мир есть, и его нет. Если вы не видите разницы – значит вас нет. Если видите – значит вас тоже нет. Всё это должно закончиться лишь для того, чтобы сразу же начаться вновь. Мы ничего не можем изменить кроме самих себя. Мы сильны тем, что знаем свои слабости, умны тем что знаем о собственной глупости, красивы тем, что знаем о собственном уродстве, святы тем, что знаем все свои грехи. Мы как и вы стоим на коленях, но лишь с единственной целью – чтобы нас не заметили. Мы стоим в тени с единственной целью – не сгореть раньше нужного нам времени. Мы не хотим вам ничего говорить – вы не понимали, не понимаете и не поймёте. Мы знаем, что ничего не измениться. Поэтому знайте, что начиная с этого момента любая последующая секунда может стать последней. Для всех. Для вас. Исключения не предусмотрены. Мы повсюду – в метро, в офисах, в школах, в институтах, на стадионах, в ресторанах, в лесах, на пляжах. Этот грязный мир уже нельзя изменить, его можно только уничтожить.

страничка Катрин

Hold me harder*

Мы постоянно ищем. Кого-то.. Что-то.. Где-то.. Зачем-то.. Но иногда мы ищем себя. Ищем потому, что когда-то давно потеряли нужные ниточки и лишь сейчас заметили, что шагаем по неправильной тропинке. Как только осознание того, что ты это не ты, а кто-то чужой и неведомый, накрывает с тебя головой, наступает паника. Мысли суетливо вращаются в голове, они ищут верные отгадки, и кажется, что спасительный путь уже виден, вот-вот забрезжит первыми мягкими лучиками живительный свет.. Но на самом деле так только кажется. Это не больше, чем иллюзия, это (само)обман. На самом деле ты запутываешься ещё больше. Паника сменяется паранойей, а мысли начинают скапливаться где-то в районе носа и дышать становится практически невозможно. Медленно считаешь до пяти, десяти, ста тридцати... Трешь ладошкой о ладошку, ты пытаешься согреться. Хочешь побыть один, уходишь от всех. Смеешься, когда смешно, смеешься, когда несмешно. Рисуешь, читаешь, играешь на гитаре.. Улыбаешься, спишь. Но все это не помогает. Ты это не ты, а кто-то незнакомый, ты больше не будешь прежним. Выхая аромат крепкого кофе, можно долго таращиться в ночную темноту, не ощущая собственного тела. На пути к себе, можно нечаянно расцарапать тонкую пленку, которая отделяет спокойствие от безумия, блеск в глазах от мрака и тьмы, которые сидят глубоко внутри. Твое сердце в опасности. Разрушительная инфекция может остановить его всего-навсего от одного твоего неверного движения. Без сердца ты станешь каменным, ты потеряешь нечто важное, но так и не найдешь себя. Вернись назад, оглянись повнимательнее.. Обо что ты споткнулся, что заставило тебя развернуться на все 180 градусов? Пока что твое сердце ещё стучит, пока ты это ещё чувствуешь (...чувствуешь...), слушай его. Оно из последних сил вышептывает из себя истину. I even tried to get arrested today.. But everyone looked the other way.. I count the hours, and i count the days and for once I'm certain - I never felt better now....

iampinkcake@gmail.com

Post a new comment

Reply to this

parent

Thread

